

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ВТОРАЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

КНИГА О СОЛОВЬЕ

(«БУЛЬБУЛЬ-НАМЭ»)

ФЕРИДЕДИНА АТТАРА

Феридедина Аттара знают на Западе, главным образом, по трем произведениям, изданным западными ориенталистами, — двум поэмам: «Книге Советов» и «Беседе Птиц» и прозаическому сочинению — «Записке о святых».

Из биографии его мы знаем довольно мало. Родился он в Нишапуре около 1150 г. п. Р. Х., в правление великого Сельджука, султана Санджара. Был он сыном аптекаря и в наследство от отца получил аптеку, где и продолжал дело, начатое отцом. Он сам говорит в своей поэме «Книга Тайн», что многие из своих сочинений писал в аптеке, где его осаждали, прося совета и лекарства, более пятисот пациентов.

Известно также, что он много странствовал по мусульманскому Востоку, бывал даже в Египте и в Индии, потом вернулся назад и обосновался опять в родном Нишапуре. Небольшая поэма в рукописи Азиатского Музея Академии Наук, присоединенная к «Книге о соловье» и озаглавленная «Совет дорогому сыну», заставляет предполагать, что к тому времени он женился и дождался счастья увидеть сына, ибо в начале поэмы он говорит:

«Новый месяц восходит через тридцать дней:
Ты явил мне лик через шестьдесят лет».

Казалось бы, теперь жизнь его должна была мирно завершиться среди семьи, привычного дела и творчества, но судьба захотела иного.

Аттар выпустил в свет поэму «Проявление Чудес», посвященную прославлению четвертого халифа Алия и проникнутую духом шиитства. Это вызвало преследование со стороны суннитов, автора осудили, конфисковали его имущество и изгнали из родного города. На старости лет поэт снова должен был превратиться в бездомного странника и умер около 1230 г., как утверждает легенда, от руки монгольских завоевателей.

Скромность была отличительной чертой Аттара: за всю жизнь, — говорит он, — его перо ни разу не было осквернено славословием власть имущих, что подтверждает и суровая критика поведения придворных поэтов, которую мы находим в «Книге о соловье».

Эта скромность перелилась и в его поэзию. Формальная сторона, которой на Востоке придается первостепенное значение, для него не важна. Он не гонится за изысканными оборотами речи, за бесконечными метафорами, метонимиями и т. п. приемами, столь излюбленными персидскими поэтами. И если при всем этом его рифма все же не бедна, а подчас изумительно звучна и интересна, то причиной этому не поиски и погоня за ней, а только подлинный поэтический дар, живой струей бьющий в поэте.

Что касается содержания поэм Аттара, то в основе своей все их темы сводятся к одной: изложению мистического пути мусульманского подвижника, охваченного любовью к «Единому Другу» и разбивающего узкие грани личной индивидуальности, чтобы в полном самоуничтожении слиться с единым «Я».

Часть поэм состоит из отдельных различных рассказов и легенд о «святых» и подвижниках, рассказов, собираную которых Аттар посвятил большую часть своей жизни и которые послужили главным материалом для сборника жизнеописаний «святых», написанного прозой. Другая часть — экзотические, доходящие почти до безумия славословия единой истинной любви, где Аттар забывает обо всем мире и только в страстном порыве повторяет основные положения своего символа веры. Такова, например, небольшая поэма «Книга безумия», начинающаяся и заканчивающаяся выкриком:

«Я — бог, Я — бог, Я — бог!»

Легенда рассказывает, что Аттар, будучи преклонных лет, встретился с входящим светилом Джелаледдином Руми, которому тогда было пять или шесть лет. Старый поэт сразу понял, кого он видит перед собой, и подарил мальчику рукопись своей «Книги Тайн», как бы намечая его в свои преемники. Легенда эта, конечно, исторического факта под собой не имеет и изобретена кем-нибудь из составителей жизнеописаний поэтов. Но хотя это и легенда, нельзя отрицать, что соотношение Аттара и Джелаледдина Руми ею выражено очень хорошо. В молодом поэте мы видим завершение того дела, которое было начато его предшественником. Большая поэма его, знаменитая «Месневи», построена так же, как и поэмы Аттара, без определенного сюжета, без задания, — ряд рассказов, как бы случайно идущих друг за другом, связанных только ассоциацией мыслей, в данный момент возникших. С другой стороны, и это пламя, эти бурные порывы Аттара тоже нашли свое выражение в его преемнике. Аттар и Джелаледдин Руми — это как бы одно и то же явление, луч, пропущенный через призму и падающий на два экрана, на более близком он меньше, на далеком он разросся до необычайных размеров. Если Аттар поэт персидский, то Джелаледдин уже мирового масштаба, который, будь он известен шире, стал бы достоянием всего человечества, подобно Шекспиру и Гете.

Мне уже приходилось упоминать, что в числе поэм Аттара имеются и совершенно небольшие законченные произведения. С одним из них, «Книгой о соловье», мне и хотелось бы познакомиться русского читателя. Сюжет поэмы прост до чрезвычайности: соловей влюблен в розу, стоны и жалобы его тревожат остальных птиц, и они зовут его на суд к царю Соломону, который по Корану является властелином не только людей, но и всех птиц, и животных, и злых духов. Соловей, защищаясь, нападает с резкой критикой на своих противников, но, в конце концов, смиляется, выслушав резкую отповедь удаю, птицы, особенно близкой Соломону и обладающей мистическим прозрением.

Но, конечно, суть поэмы не во внешней фабуле. Все это только аллегория, прикрывающая истинное значение рассказа. Соловей — это поэт и, притом, поэт, бегущий от шумных прелестей придворной жизни, в уединении, в глуши воспевающий «Единогo Друга», опьяненный вином из чаши «божественной любви».

Другими словами: ясно, что в соловье мы должны видеть самого Аттара, не даром все характерные черты соловья вполне покрываются его биографией, очерченной выше.

Современники, не постигающие истинного значения произведений поэта, зовут его на суд и обвиняют в безнравственности и разврате. Поэт в оправдание дает критику правителей и придворных. Быть может, во всем этом эпизоде можно видеть отголосок катастрофы в личной жизни поэта, о которой говорилось выше: предания его суду и обвинения в ереси.

Критику свою поэт начинает с «царя птиц», Симурга, самого султана.

Не зная времени написания поэмы, конечно, нельзя сказать, к какому султану относится эта характеристика. Несомненно только, что это не Санджар, ибо этому вонну отнюдь нельзя было бы поставить в упрек увлечение гаремной жизнью.

Обличив султана, поэт переходит к феодалу, воинственному аристократу — соколу. Далее следует поугай — придворный поэт.

На смену ему выходит павлин, придворный красавец, паж и любимец султана.

За павлином — коршун, старый ученый, копающийся в древних документах, питающийся падалью.

Наконец, последним появляется удад, святой, старец-мистик. Его Аттар упрекает в лицемерии и недостатке справедливости.

Но значение поэмы этой аллегорией не исчерпывается. Под покровом этого рассказа кроется еще другой смысл. Последние слова удада — самый резкий удар: «сначала поговорим о субстанции, потом уже речь об акциденциях». Подробный разбор этих слов завел бы нас слишком далеко и потребовал бы изложения всей суфийской доктрины, чего узкие рамки статьи не позволяют. Поэтому попробуем набросать объяснение в нескольких широких штрихах, только наметив самые контуры.

По учению суфиев, физический мир создается божеством, духом, через ряд эманаций, в которых дух претерпевает постепенное оплотнение. Таким образом, дух как бы закреплен в материи, несовершенной и преходящей, и стонет об освобождении и возвращении к своему вечному первоисточнику. Человек есть тоже духовная сущность, подобная ангелам, даже более высокая, и лишь в силу земных условий оторванная от непосредственного общения с духом. Задача человека, — идя путем суфизма, разорвать эту разобщенность, снова слиться с вечным миром и уничтожить свое преходящее («Я»), которое является лишь призраком, лишенным сущности, уничтожив его, утонуть в море «божественной любви».

Подходя с этой точки зрения к человечеству, можно сказать, что всякий индивидуум лишь мираж и облако. То, что в нем ценно, это частица «божественного духа», заключенная в его теле. Удад об этом и говорит, предлагая отложить разговор об акциденциях, свойствах, преходящих и случайных, оплотнении духа. Зачем толковать о людских недостатках? Все это только свойство «несовершенной материи»; не старайся отыскивать их в людях, поговорим лучше о субстанции, о том «божественном ядре», на котором зиждется все мироздание.

Таким образом, вкратце формулируя мистический смысл поэмы, мы можем сказать следующее. Человек ослеплен красою физического мира (роза). Правда, это ослепление необходимо, оно лучше мертвенной науки, погони за богатством и подлой лести, но оно не есть последняя цель. Человек должен пройти страстный подъем любви невечной, дабы подготовить себя к восприятию «любви непреходящей». И если человек слишком отдастся культу красоты, от «небесного престола» летит вестник (сокол), человека похищают, земные красоты без него осыпаются и превращаются в прах, а он должен предстать на суд и ответить.

Здесь затронута, конечно, лишь небольшая часть мотивов, проходящих в самой поэме. Но эти замечания уже показывают, какое обилие мотивов заключено в столь небольшом по объему произведении. Я не стремился к исчерпывающему его анализу; во-первых, сделать это, обладая одной рукописью, почти невозможно, во вторых, это завлекло бы нас в слишком специальные области. Если я все-таки подверг эту поэму столь обстоятельному разбору, то только потому, что русскому читателю, не ориенталисту, эти вопросы должны быть слишком чужды, отголоски, возникающие при известных образах в сердце иракиста, ему не знакомы, ведь же эта заслуживает того, чтобы ее действительно оценили. Перевод «Бульбуль-намэ» (Книга о соловье) мною дается, как доказательство того, что произведения Аттара не только материал для построения схемы суфийского миропонимания, но и поистине художественные творения, достойные занять подобающее им место на страницах истории персидской литературы.

Е. Б.

1. ВСТУПЛЕНИЕ.

Возьми калям¹⁾ и поведай тайну сердца, начни рассказ во имя тайно-веда господа: ему лишь одному пристало испосылать рабам хлеб насущный.

Небосвод от него получил высоту, земля—низины, от него два мира²⁾ получили облачение бытия. Он возвышает этот зеленый небесный свод, он зажигает расплавленное золото солнца.

Калям — водолаз в море истины, все слова его подобны золотым самородкам. Когда калям описывал горе разлуки, лишь кровавые слезы, как кипящая смола.

2. ПТИЦЫ ПРИХОДЯТ К СУЛЕЙМАНУ³⁾.

Слыхал я, что в век Сулеймана, которому были покорны и дивы, и пери, птицы собрались во дворе Сулеймана и подняли крик, жалуясь на соловья. Стопали они, как тростниковые флейты, и ударили себя когтями то по голове, то по груди. Раскрыли все они с рыданиями клювы и долго-склоняли к земле крылья и перья. Все тайны, сокрытые у них на сердце, одну за другой поведали Сулейману.

Все они жаловались на соловья, все говорили, рассказывая о нем: — «Он — проповедник садов и дугов, его жилье и стоянка среди кустарника. Он презренен, печален и творит злые дела, но это птичка, обладающая сладостными речами. Постоянно носит он платье, лишнее красок, но товар его — лицемерие, хитрость и опьянение. Ни на мгновение он не прекращает ароматной, как мускус, песни, но никого не уважает. На сотни ладов, разными напевами заливается он, когда настает время весны и роз. Как котел на огне, кипит он, не спит, стонет всю ночь. Не сладостен сон этому негодю, ибо неучи всегда возвышают голос, когда молчат образованные люди. Тело у него слабое, но голос очень громкий, один бог знает, сколько у него разных хитростей!

О господни, поступи с ним по справедливости, прекрати его крик в садах и рощах! Если же нет, тебе передаем решение, освободи нас из рук таких презренных существ».

3. СУЛЕЙМАН ПОСЫЛАЕТ СОКОЛА ЗА СОЛОВЬЕМ.

Когда Сулейман выслушал от птиц этот рассказ, он вспылл, забушевал и раскричался. В тот же миг он приказал соколу:

— «Эй, скорее, лети, как пламя, и возвращайся назад, как дым! Погляди, что это за птица, от которой стонут все остальные птицы. Имеет ли она удел в познаниях или нет? Имеет ли львиную силу или нет? Скажи: почему она ищет отращивание ко множеству? Кто дал ей, скажи, право на

¹⁾ Тростниковое перо.

²⁾ Мир физический и мир духовный.

³⁾ Царь Соломон Библии.

единство ¹⁾? Почему соловей ни на миг не вспомнит обо мне и моем дворе и не опоянется на служение нам? Быть может, он юродивый, опьяненный, он вне себя, он постоянно забывает про различие добра и зла? Говорят, что тело его слабо и тщедушно, а стои его раздается среди всех розовых кустов. Когда приблизишься к нему, улыбайся, а не то от страха он, не дай бог, может умереть... Не говори с ним грубо, приложи к губам палец, скрывай от него клюв и когти».

Полетел быстрый сокол, — клюв его обладал силой льва, — полетел за кровью бедного безобидного соловья. Ядом омочил он клюв и когти, грозно распростер свои крылья. Поцеловал ковер служения султану и облекся с головы до пят в кольчугу.

Признак доброго слуги в том, что он узнает, как начать дело прежде чем приступить к нему. Вельможам — приказывать, низшим — полагать свою душу в выполнении дел вельможи. И вот сокол, повинуясь приказу, прилетел в дветник. Соловей, словно опьяненный, стонал в саду. Красота сада — в его тенистости, стоны соловья — от его страданий. Сладостным показались уху сокола соловьиные жалобы, глазу его сладостными пришлись цвет и аромат розы. В одно мгновение любовь вознесла сокола до самого неба — свода, всех героев любовь лишила дара речи!..

Когда сокол пришел в себя от смятения, он приступил к наказанию соловья.

4. ПРОЩАНИЕ РОЗЫ И СОЛОВЬЯ.

Соловей говорил розе:

— «О ты, озаряющая сердце, зажги свечечку признанья! Поидем, эта ночь — ночь ласки и нежности, ночь длинна, как локоны луноликих красавиц. Считаю счастьем провести с другом ночь до рассвета, будем сообщать наши тайны до рассвета. Когда два нежных друга хотят поведать тайны, рассказывают они о минувших днях. Этот миг — вечный рай, но не всякому он доступен.

Как-то ночью, вдалеке от губ и зубов чужих, кусал я зубами губы друга. Пришел садовник, сказал розе: «Скажи-ка, кто же это любил тебя сегодня ночью? Кто сорвал покров с твоего прекрасного лица, кто кусал зубами твои рубиновые уста? Ты была дупованием весеннего ветра и распустилась, не должна ты достаться рукам первого встречного». — «Уста мои увлажняла ночью до рассвета роса, пришел ветерок, наполнил рот мой золотом. Рот мой смочила кровь соловья, и вот, словно капли виднеются на губах моих».

Не забудь обеты верности, приходи в объятия, милая жизнь моя. Таких слуг, как я, у тебя тысячи, — бросивших голову к твоим ногам. Но таких, как ты — нет для меня в мире, ни мгновения нет мне покоя, стремлюсь я обнять тебя. У тебя есть тысячи любовников лучше меня, но мне, без прекрасного лица твоего, жизнь в тягость. Губы мои пересохли, очи мои льют слезы,

¹⁾ Т. е. почему соловей избегает общества и предпочитает уединение. Но вместе с тем под «множеством» можно подразумевать множественность явлений физического мира и под единством — «единое реальное бытие», бытие бога.

ведь дождь—жизнь для иссохшей земли. Боюсь я небосвода, каждого его поворота: злых он сделал счастливыми, добрых унизил. В один поворот он меняется, проходят тысячи злых и добрых дел. Тебя сожгут в пылающем горне, мне разожгут пламя в сердце. Тебя заставляет молчать весенний ветер, меня делит разлука с тобой. Да не будет мне света без тебя! Да не будет дня разлуки в ночи свидания с тобой!»

В таких мыслях были они до рассвета и не знали решения судьбы, но не успело показаться войско яркого дня, как по воле судьбы упала на них разлука и пришло расставание.

5. СОКОЛ ПЕРЕДАЕТ СОЛОВЬЮ ВЕСТЬ.

Сокол сказал соловью:

— «Вставай, несчастный, идем, ухватись за мое крыло! Если муравьи хотят увидеть Каабу¹⁾, они садятся под маховое перо соколов. Сулейман зовет тебя на суд, песни все веские доказательства, какие у тебя имеются. Что ты ему скажешь, как себя назовешь? Ты бродишь по миру, не зная печали, ты ослеплен краской и ароматом розы и удалился от Сулеймана. Зачем твое сердце радуется тленной красе? Почему ты противишься велениям властелинов? Не отворачивайся от престола даря, ибо отвернувшись, останешься связанным по ногам. Если хочешь стать славным в мире, броди по переулкам власть имущих!»

6. РАССКАЗ.

Нищий бедняк, обездоленный, смятенный, направил однажды свой путь в Ширван²⁾. Около жилища правителя области поселился он в маленькой комнатке у ворот. Больше года он, нагой, прислонялся к стене дома правителя. Один из приближенных увидел его издали и раскрыл миру тайну. Визирь шаха сказал нищему:— «С какой целью ты спишь в пыли на дороге?»— «Я прислоняюсь к стене затем, что, быть может, когда-нибудь ты допустишь меня и во дворец». — Эти слова были приятны слуху хана, и он нанюхал его полы и рот золотом. Стал он приближенным и столь дорог был его величеству, что приказы его были действительны во всем Ширване.

7. ОТВЕТ СОЛОВЬЯ СОКОЛУ.

— «Ты никогда не был влюблен, ты еще не пламя, ты подобен дыму. Пока ты не потеряешь душу во влюбленности, ты никогда не будешь знать цены влюбленным. Тот пьет сладостное вино влюбленности, кто забывает себя самого. Признак влюбленности — высота разума, путь разума в любви — перазумие. Скажи Сулейману: О свет господень! отвори от нас поводя веления. Ты потому не можешь притеснять нас, что нельзя осуждать безумных и влюбленных».

¹⁾ Святилище в Мекке.

²⁾ Область, приблизительно соответствовавшая Бакинской губернии, где правила династия Ширван-шахов.

8. СОКОЛ ПОХИЩАЕТ СОЛОВЬЯ.

Соловей не шел ни на ласки, ни на просьбы, и сокол, как турок, перешел к грубости. Ударил когтями и, подняв его на воздух, два-три раза сжал в когтях. Когда соловей увидел, что все пропало, что сам он бессилен, а друг потерян, он воскликнул:

— «От тебя мне и мед и жало! Я опозорен пред миром, спусти покров! Если ты был героем и проявил величие, будь милосерд, как лев, оставь волчьи повадки! Оставь меня, чтобы я мог приготовить в подарок Сулейману славословье от души и сердца. Таков обычай мудрых мужей, во всяком деле они дальновидны. Когда мудрецы идут к царям, они излагают в стихах свои утренние молитвы. Кто окажется с пустыми руками, тот всегда будет в ничтожестве. Три средства приблизиться к царям: искусство, деньги, красноречие. Нет у меня ни денег, ни искусства, но есть клад словесный, и его я принесу в дар».

Сокол сказал соловью:— «Что же, сочиняй славословие и лети скорее, лети весь от головы до нят! Путь перед нами, зачем же мы отстаем? разве крылья наши устали, ноги связаны? Летим, распушим сразу крылья, головой нашей смерим этот путь».

9. СОЛОВЕЙ ПОСЫЛАЕТ ВЕСЕННИЙ ВЕТЕРОК ГОНЦОМ В ЦВЕТНИК.

Когда поднялись они на вершину горы, утренний ветерок летел в цветник. Соловей с мольбой ухватился обеими руками за полы его, ради друзей своих, и сказал утреннему ветерку:

— «Вставай, лети и ухватись за подол моей возлюбленной! Спроси, как без твой покой без меня? У меня без тебя все сердце — одна капля крови. Вот что со мной в разлуке, — о, покой моего сердца! — не осталось у меня ни терпения, ни разума, ни покоя. Сердце мое привязалось к тебе, забыв о сладкой жизни, его любовь — как любовь Хосрова к Ширине ¹⁾. Если увижу я тебя еще хоть раз, посижу с тобою хоть миг наедине, то все горе мира для меня станет пустяком, и если я не умру до того, то буду бессмертным. Пусть только око близких увидит твой лик, пусть горе людское никогда не заходит на твою лицу! Если даст бог мне жизнь, я останусь в живых, если нет — отдам душу в разлуке с тобой».

10. ВЕТЕРОК ПРИЛЕТАЕТ В САД.

Прилетел утренний ветерок в сад и показался ему цветник темной печью. Роза отчаялась увидеть соловья, разорвала рубашку, сидела в крови, тысячи шипов в ногах, ноги увязли в глине, разлука с соловьем засела в ее сердце. Как ветка на дугу, склоняясь и подымаясь, грустно - грустно говорила она:

¹⁾ Хосров Парвиз царь династии Сасанидов; его любовь к царевне Ширине служила темой для многих поэтов в Персии.

— «О друзья, хорошо нам было вместе в саду, все птицы завидовали нам. Пусть же слепота постигнет завистников! Пусть не будет разлуки между друзьями».

11. СОЛОВЕЙ ПРИЛЕТАЕТ КО ДВОРУ СУЛЕЙМАНА.

Когда сокол прилетел во дворец Сулеймана, все птицы стояли, выстроившись рядами. Соловей склонил голову к земле, соловей опоясался и раскрыл уста. Восхвалял он царя и прославил, пропел Сулейману много словесий и молитв:

— «Ты тот царь, который держит в покорности и муравья, и змея, и человека, и хищников, и дивов, и пери. Нет государя лучше тебя, благородного венценосца, дарящего венцы. Ты — посланник божий, ты — царь вечный, помыслы твои выше недостатка и совершенства. Если только даст мне в будущем терпения бог, душа моя впредь будет отдана в жертву служения тебе. Я удалился от службы тебе, ибо не считал себя достойным служить тебе».

12. ОТВЕТ СУЛЕЙМАНА СОЛОВЬЮ.

Сулейман сказал:

— «О красноречивая птица, почему ты пьешь вино, словно бражники? Ты то опьянен, то трезв, то сладко спишь, то бодрствуешь. Все птицы в траурных одеждах сидят на земле, подняв лицо к небосводу. Ты каждое мгновение заводишь новый брачный пир, не знаю я, кто ты—гебр¹⁾ или поклонник магов? Пей вино, что не дает злого похмелья, свойств которого не найти в бытии. Вино, несущее злое похмелье, считай запретным, пусть это будет живая вода! Потому запретил вино, что вино пьют с развратниками. Не опьяняйся на пиру развратников, — опьянение разглашает тайны. Не пей ничего, что отнимает твой разум, иначе ты будешь постоянно в бреду».

13. РАССКАЗ О ХАРУТЕ И МАРУТЕ.

— «Слыхал ты историю Харута и Марута? Они были служителями престола господня. Сначала пребывали они ангелами на небесах, потом все тело их стало печалью, словно у дивов. От алчности и похоти они удалялись, не знали опьянения, были невпущены».

Когда бог послал на землю Адама, в их душах вспыхнул огонь. Пришли они ко престолу господню и сказали все тайны, сокрытые у них в сердце. Сначала повели они такую речь:

— «Быть может, Адаму и подобал еще хашфат, но потомство его предалось блуду и убийству, смятением наполнилось царство земное».

Сочли они себя лучше человека и потому не увидели больше блага. Господь мира дал им приют, послал их в столицу мира. Увидали они лицо

¹⁾ Так называют в Персии последователей религии Зороастра.

прекрасной Зухрэ и перечеркнули пером свое собственное спасение. Влюбились в нее, и все забыли, днем не знали покоя, ночью не спали. Пришла Зухрэ, нагнулась к их ушам, потихоньку сказала на ухо тому и другому:

«Если вы любите меня настоящей любовью, да будет вам запрещен всякий приказ, кроме моего. Облекайтесь в одежды мятежников, творите бруд, убивайте и пейте вино! Если хотите иметь меня подругой, научите меня Высшему Имени» ¹⁾).

Не творили они бруда, не убивали, но, выпив вина, сотворили бруд и убийство. Выдали Зухрэ Высшее Имя и, как камень, упали в колодезь горя. Когда Зухрэ научилась Высшему Имени, оно опалило ее, как пламя; произнесла она это имя и вознеслась на небо, месяц стал ее привратником, солнце стражем.

Остались они на земле, преданные на поругание врагам, опьяненные, горестные. Судьба решает благо и зло, и не могли они остановить ее решения, когда пили вино.

Когда очутились оба от опьянения, отчаялись они в своей жизни. Вдыхали, и вздох летел, как язык пламени с дымом, — если дело погибло, разве вздох тут может помочь? Пришли они к нам искать прощения, грех — от рабов, прощение — от царей.

«Так стыдимся мы дел своих, что не решаемся даже воззвать о прощении. Назначь нам кару здесь же, ибо там нет ни вчера, ни сегодня, ни завтра».

В Вавилоне висят они в колодезе вниз головой, и нет у них вина, кроме воды отчаяния ²⁾. Приходят люди в Вавилон, на край колодезя учатся на рассвете колдовству. Учатся у них, чему хотят, творят насиле и неправду, сколько хотят».

14. СОЛОВЕЙ ОТВЕЧАЕТ СУЛЕЙМАНУ.

Ответил соловей ему:

— «О пророк, нет у нашего вина ни чаши, ни бокала. Мое опьянение от вина тайного значения ³⁾. Чаша его не знает другого вина, кроме него.

Кто влюблен в лицо друга, тот бодрствует всю ночь до утра. Если кравчий унесет сердце, оно бессильно, разве можно тогда есть и спать? Тело мое слабо и тщедушно, о Сулейман, но речами я богаче всех птиц.

Только тот знает мои печали, у кого, как у меня, сердце постоянно обливается кровью. Из тех вин, которые я пил по утрам из рук кравчих божьяго величия, если хоть капля прольется в твое горло, тебя покпнет и разум и рассудок.

¹⁾ Сокровенное имя божие, произнесение которого дает человеку возможность творить чудеса. Употребление его во зло здесь является «черной» магией.

²⁾ Слезы.

³⁾ Значение слов Корана, которое придают ему мистики.

15. РАССКАЗ.

— «Один глоток его дали Мансуру ¹⁾: «Я есмь истина!» — воскликнул он и наполнил мир смятением. Когда поставили ему на ладонь кубок «единства божия», мудлы постановили предать его казни. Двести человек из тех, кто дал это решение, тотчас же утратили всякий стыд. Привели его на базар, опьяненного, и он мужественно повиновался, ходил по лобному месту и повторял: «Меня охватила ревность, чужих она не тронула. Не глядел я ни на кого, кроме друга, и поразило меня жало из руки чужих. Один этот взгляд заставил меня забыть себя, и путь мой покрыт позором. Почему бы не осмелиться влюбленному бродить вокруг двorca своей миллои? Тот, кого озаряет светом солнице, разве будет довольствоваться существованием в тени?».

Вздернули его на виселицу вниз головой, и посыпался на него целый дождь камней. От камней, виселицы и веревки он не ощущал боли и ни на мгновение не переставал восклицать: «Я есмь Истина». Вместе с ним зазвучали и двери, и стены, камни, веревка и доски эшафота. Канаты от жизни его были порваны, водой и прахом хотели погасить пламя его любви. Здесь «Я», в самой сущности своей, уничтожилось, «Я» не было здесь, оно было принесено в жертву. Волна из реки хлынула в поле, раскололась раковина, и жемчужину подхватило море. Тысячи людей пили это вино, но все же тайн Истины не разглашали.

И в тот же миг соловей принес клятву:

— «Не буду я более пить вина, то ведает бог! Но стенаю я от любви к розе, каждое мгновение вскипает мое сердце. От любви к розе я изнемогаю каждое утро, и на сто ладов вырываются из моей груди вздохи. От каждого утреннего ветерка я начинаю плакать, только гора может устоять против силы ветра. Когда же роза покинет сады и цветники, замыкаю я уста, как подчиненный».

Когда Сулейман услышал рассказ соловья, он долго рыдал о разлуке его с розой.

16. СУЛЕЙМАН УПРЕКАЕТ ПТИЦ.

Сулейман сказал птицам воздуха:

— «Вчера вы жаловались на соловья в его отсутствие. Тот, кто один приходит к судьбе, уходит от него веселым и довольным. Надо говорить в лицо своему противнику, жаловаться в его отсутствие — низость. Если рассказ разумен, говори, где хочешь, он всегда будет выслушан. В отсутствие его каждый из вас был героем, омочившим меч в крови бедного соловья. Соловей прибыл, он здесь, теперь ни один из вас от страха не двигается. Случилось с ним и с вами то же, что было с коникой, мышью и вином.

¹⁾ Абу-л Мугис Хусейн ибн-Мансур ал-Халладж — чрезвычайно популярный среди суфиев мистик. За слова: «Я — истина» (т. е. бог) был при халифе ал Муктадире обвинен в кощунстве и казнен в Багдаде в 922 г. по Р. Хр.

17. РАССКАЗ О МЫШИ И КОШКЕ.

— «Как то почью мышь искала пропитанья, словно муравей, бродила, чтобы отложить на черный день. Ходила по дому виноторговца, искала пшеницы, но пшеницы не видела. Увидела чистое вино, стоявшее в кувшине, вино заставило ее забыть о желанной пшенице. Выпила глоток вина, опьянеда и воскликнула:

«Нет мне равной в мире по мужеству. Если весь мир облекут в кольчугу, около меня он забудет про мужество. Весь мир я покорю мечом, на ноги героев наложу цепи. Нет мне равных среди царей, гора не посмеет препятствовать моему войску. Кто же такая эта кошка, этот витязь, царапающий мышам головы? Повелю я мышам в день праздника, и повесят они голову кошки на коду в назидание другим».

Случайно в это время кошка выпла на охоту, пришла и ухватила мышь, два-три раза сжала ее в когтях, и ты сказал бы, что мышь без чувств или мертва. Кошка наказала мышь, а мышь поцеловала ей лапу, в отчаянии била себя по голове, проливала слезы из глаз и восклицала:

18. ЖАЛОБЫ МЫШИ ПЕРЕД КОШКОЙ.

«Радн бога, о царь героев мира, не притесняй меня, взгляни на мое состояние. Я — как бы не существую, если ты существуешь, не карай же ничтожных, ты так величава! Если в ошьянении слуга провинится, разве может вельможа страшиться раба? В ошьянении все бражники в трущобах бормочут глупые слова. Если дело пропало и человек ньяп, то его словам не придають значения. Если хочешь пролить мою кровь, ты можешь, я принесла голову к твоим ногам, распоряжайся. С этих нор я раб твоего переулка, если буду жива, буду молиться за тебя».

19. ОТВЕТ КОШКИ МЫШИ.

«Не говори по пусту, мышь, молчи! Если попала на огонь, то и жарься на нем. Ты совершила проступок против человеческого и божеского законов, ты опьянилась вином и, если я пролью твою кровь, то по праву. Мне учитель дал добрый совет, этот совет стал для меня благим руководством.

Он сказал мне: — «Если выйдешь в поле, будь ты слоном, а враг твой ничтожнее комара, не успокаивай себя; он вырастет, и жало его пронзит твое сердце». — Не забыла я совета учителя, этот совет словно серьга у меня в ухе. Оставь надежду на спасение, нет для тебя ничего, кроме смерти!»

20. ПТИЦЫ СОБИРАЮТСЯ ВО ДВОРЦЕ СУЛЕЙМАНА.

Слетелись птицы на суд, словно дивы, наполнили криком судилище. Сулейман сказал соловью:

— «Где ты? Чего не выходишь на поединок с птицами? Птицы пришли с жалобой, если есть у тебя веские оправдания, говори!»

21. ОТВЕТ СОЛОВЬЯ.

Ответ дал соловей и молвил:

— «О источник света! пусть дурной глаз будет далек от твоего лица! Что сказать, кому сказать истину, разве природа внемлет языку разума? Кто такие — эта жалкая кучка увядших сердцем? Их ноги увязли в воде и глине!

Ни на мгновение они не покидали силков красавца, с милым не шли в миг свидания. Застыли они, как камень, в своем ожесточении и провели жизнь в пустой игре. Ничего я не знаю об них, потому и сторонился их речей. Потому я удалился, как Сатурн, что никого не видал, кто мог бы стать моим Юпитером. Если вырвется из стесненной груди моей вздох, упадет с небес Марс и Рак, Венера тотчас же разорвет струны на лютне, Меркурий пошлет прахом главу. О чем бы я ни повел речь, она будет сиять как месяц, пробежит слово за словом, как царский приказ. На твое счастье, о властелин мира, да будут по твоей воле дела мира, я вникну в положение этих несправедливых птиц, скажу, чему предается каждая из них.

22. ОТВЕТ СОЛОВЬЯ СИМУРГУ¹⁾.

— Ты, Симург, не сравнишься ты ни с одной из птиц, ты не ходишь по тем путям, по которым ходят птицы. Долго ли ты будешь сидеть дома, словно жена? Иди на поле битвы, если ты муж битвы? Ты ушел в море небытия, словно рыба, выйди на поле бытия, если ты царь! Только имя твое и знают в мире, ты только рисунок, изготовленный художником. Если ты называешься царем птиц, — убирай тернии с их пути! Если ты полководец, веди полки! Будь среди воды, но оставайся пламенем! Если ты занимаешь место водителя, отчего ты не выходишь на собрания птиц? Если ты сам ни с кем не желаешь водиться, почему к тебе, как к светочу, летят сотни бабочек? Ты не светоч и не бабочка, что же ты за птица? Не свой и не чужой, кто же ты такой? Ты для того отделился от всех спутников, чтобы спокойнее услаждаться едой и сном... Если ты будешь со всеми, ты станешь силой, станешь похож на светоч, если будешь всем светить! Оставайся среди всех, но служи богу, пребывай словно душа в теле, но забывай о теле. Все твои заботы только о себе самом, почему ты не войдешь в тело, как душа? Чего ты достигнешь удлинением? Только с помощью других можно проходить от стоянки к стоянке... Только тот может пребывать в одиночестве, кто умеет начисто отмыть свою внешнюю форму. Если же нет, ты игрушка дивов, среди людей ты стал бесом! Прегради скорее дорогу моим стонам, они в миг развеют по ветру твой призрак!

¹⁾ Симург — таинственная птица, царь птиц, которую никто не видал. Си — перспектива 30, мург — птица, симург — 30 птиц.

23. ОТВЕТ СОЛОВЬЯ СОКОЛУ.

— «Иди, быстролетный, смелый сокол! Не ослепляйся сапом, богатством и роскошью. Ты доволен, что сидишь на руке у царей, а знаешь ли ты их повадку и обычай? Посадят тебя на руку, а потом бросят в стени, как сухую щепку. Если бы ты помышлял о себе, взор твой наверно был бы устремлен вперед. Зачем выкололи тебе глаз, зачем приучили тебя пить кровь? Связали тебе ноги, открыли глаза, на голову одели колпак беспечности. Как глухие, ты увлечен заботой о себе и не видишь просторов мира. Когда снимут колпачек беспечности с твоей головы, ты не увидишь гнезда, взмахнешь крыльями, захочешь взвиться в смелом полете, но привычка к роскоши влечет тебя только к богатству. Увы! если бы умеренность была тебе другом, разве было бы тебе тогда дело до рабства?»

24. ОТВЕТ СОЛОВЬЯ ПОПУГАЮ.

Попугаю сказал:

— «О птица, пожирающая сахар, ты никогда не болела сердцем, как я. Ты торгуешь красноречием, лишенная остроты, а ведь сначала нужна острота, а потом уже красноречие. Если бы ты не болтал так глупо, ты не стал бы никогда пленником клетки. Если ты изучишь науки всего мира, но не будешь знать любви, ты не будешь знать ничего! Итти без водителя, не зная пути, — неразумие, но итти по проторенной тропе — это нетрудно».

25. ОТВЕТ СОЛОВЬЯ ПАВЛИНУ.

— Иди, птица в нестрых одеждах, подходи! У тебя голова турецкого красавца, а ноги индийского разбойника. Тело твое одето, но душа обнажена, уста полны смеха, глаза плачут. Счистил ты ржавчину с зеркала¹⁾ и оделся в одежды, словно зеркало, переливающее сотнями красок. Если золотых дел мастер вызолотит зеркало, оно перестанет быть зеркалом, а становится только золотом. Если ты торгуешь красотой, окраской и ароматом, зачем же ты прячешь от людей свои ноги? Честь лучше звонкого имени, перья павлина лучше павлина. Если бы ты помнил про свои черные ноги, разве сердце твое радовалось бы внешнему убранству? Ты весь краска, о сущности ты ничего не знаешь, ты весь аромат, о нас ты ничего не знаешь!»

26. ОТВЕТ СОЛОВЬЯ КОРШУНУ.

— «Выходи, несовершеннолетний старец, где ты? Почему ты забываешь о милой жизни? Если ты старец, выйни в это; если ты действуешь, где знание и мудрость? Взлети на древо вечности, иначе ты навсегда останешься здесь. Будешь томиться по гнезду, ты, летающий в небесах, и будешь бродить среди праха. Не медли, счастье — высоко, не подходит старцам ребяческая забава. Ты возвысился, но не стал благородным, ты никого не притесняешь, но нитасяешь падалью. Твое обоняние ищет зловонной падали.

¹⁾ Зеркала — металлические.

от зловония падали ты уподобился воронам и псам. Не водись с воронами и псами, пойдем, погляди на цветник Симурга. Ты трезв сердцем, отчего же ты не хочешь, наконец, отстать от пожирания падали? В падали ты зарылся головой, отчего ты не возложишь на главу венец знания? Почему ты не станешь влюбленным, вне влюбленности нет существования. Когда опьянившись вином, ты отрезвеешь, ты перестанешь заботиться о своей жизни!»

27. ОТВЕТ СОЛОВЬЯ УДОДУ.

— «Иди, удод, обладатель святости, скажи, в чем же, наконец, твоя святость? Ты облакаешься в парчу, но нет в тебе мужества, ты носишь высокую шапку, но не знаешь страданий. Сорви с тела этот временный кафтан, сбрось с головы этот разукрашенный венец! Нет в тебе основы, хотя ты венценосец, носить венец тебе не пристало. Ты носишь рубище и разукрашенный камнями венец, но тебе не к лицу ни венец, ни рубище. Путь венценосца — разум и справедливость, а у тебя в руках только ветер. Твои заботы не идут дальше твоего бытия, мои заботы — выше небосвода. Я — птица, стонущая в цветнике, ты — птица, царапающая терновник. Ты был неверен Судейману, я молюсь за него от сердца и души. Разве ты не слышал из древних притч: — кто непокорен, несет то, чего не хочет. — Ты достоин того, чтобы бражники в трусубах проливали твою кровь и делали талисманы. Царь царей земных, подобный Александру ¹⁾, ради справедливости возлагает венец на главу. Иди, сними с головы венец неправосудия, ибо неправосудие погубило сотни венцов.

28. ОТВЕТ УДОДА СОЛОВЬЮ.

Сказал соловью:

— «О смятенный, зачем ты был несправедлив к ним? Не будь невеждой, ты, бросивший на ветер веру, невежество несправедливо ко всем. Не царапай раненого сердца, не кричи, но как котел, сначала закипи, потом уже начинай шуметь. Любовь к красавцам — клад души, и лучше, чтобы в сердце был для нее страж. Ступай, влюбляйся и гори, но не болтай перед первым встречным о тайнах сердца. Вырвись из оков души, подымись и не рассказывай прежних рассказов. Рассказ устарел, так много раз повторяли его, и не только соловьи излагали его. Уходи отсюда, перестань докучать соперникам, если есть у тебя доводы, давай их! Сегодня я вступлю с тобой в спор, беседа правых обладает ценностью. Если я открою уста только для одного вопроса, я сразу заставлю смолкнуть птицу садов. Первый вопрос ему задам об единении с богом, второй — о вере, третий — о следе следования авторитету других. Первая речь моя с тобой о сущности, потом уже заговорим и об акциденциях».

Хорошо, Аттар! ты красноречив, ты, как должно, пользуешься жизнью!

С персидского перевел

Е. Бертельс

¹⁾ Александру Македонскому.